

6718

R
12711

W.

Русское дѣло въ Балтійскомъ
кларкѣ.

(Корреспонденція изъ Лорвева.)

[Изъ газ. „Московскія Вѣдомости“, № 318, 19 XI 894.]

Москва. Ст. 8484

Ред. Александр-владимиръ В. Пестельский.
Меморандумъ Императорскаго Московскаго Университета.
1894.

R

ESTICA

A 2587

39602588

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ БАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ.

Юрьевъ, 24 октября.

„Трудно здѣсь жить Русскому человеку!..“ „Все-таки здѣсь страна иностранная: и условия жизни здѣсь совсѣмъ инныя, и народъ какой-то другой. Да и жизнь то вся какъ-то по заграничному сложилась“... Таковы обыкновенныя замѣчания которыя приходится ежедневно слышать отъ Русскихъ людей поселившихся здѣсь съ цѣлью вести русское дѣло.

Отчего же такъ трудно Русскому человеку? Неужели Нѣмецъ его събдаеть?.. Ничуть не бывало. Глубоко ошибаются тѣ кто думаютъ что сила Нѣмца заключается въ его численности. Нѣмцевъ настоящихъ здѣсь очень немного; но всѣ мѣстные народцы, Эсты, Латыши и пр., — стоятъ далеко отъ Россіи и проникнуты еще большимъ сепаратизмомъ чѣмъ самые Нѣмцы. Да и какъ имъ тяготѣть къ Россіи и къ русскимъ интересамъ, когда Нѣмецъ давно забралъ ихъ въ руки и вбилъ въ голову, на примѣръ Эстонцу, что онъ стоитъ неизмѣримо выше русскаго мужика, потому что всѣ Эстонцы грамотныя, потому что они ходятъ въ пиджакахъ, въ нѣмецкомъ платьѣ, поютъ по воскресеньямъ подъ нѣмецкій органъ. Что изъ того что Нѣмецъ стоитъ неизмѣримо выше Эстонца, — и то хорошо что хозяева страны, въ коей живетъ Эстонецъ, стоятъ неизмѣримо, по его понятіямъ, ниже этого Эстонца и по культурѣ, и по образованію. А потомъ Нѣмецъ все-таки иногда и Эстонца можетъ въ люди вывести, если онъ къ нему подладится; можетъ его даже и въ число Нѣмцевъ при-

пять. А тогда всё пути раскрыты: у Нѣмца ходъ вездѣ есть, да и обставить онъ можетъ всякое дѣло, — и еще какъ обставить, — а Русскаго, конечно, всегда обманеть.

Вотъ хотя бы разсадникъ нѣмецкаго просвѣщенія, пресловутый Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ. Кажется, какъ было хорошо: все доктора выходили, все магистры, а кандидаты лишь случайно, — и все знаменитости, на всю Европу. А посмотрѣть вблизи, — и все выходило одинъ обманъ. Вотъ, говорятъ,

Нѣмцы обходились съ 13 профессорами на медицинскомъ факультетѣ, а Русскіе такъ не могутъ. Однихъ докторовъ медицины выпускали по 60 и болѣе въ годъ, а въ Москвѣ понадобилось на томъ же факультетѣ 40 человекъ и даже больше, а докторовъ не выпускаютъ и десятка; какая же тамъ наука можетъ быть? Ну, конечно, доктора докторамъ розъ. Мало ли иностранныхъ докторовъ по дѣлымъ годамъ обиваютъ пороги въ русскихъ университетахъ, едва сдавая обыкновенный лѣкарскій экзаменъ... Но для служебныхъ цѣлей все-таки „докторъ“ какъ-то звучитъ: и ходу ему больше, и мѣсто хорошее скрѣпѣй найдеть... Многие и не знаютъ, да и не могутъ догадаться что все это значить: а дѣло простое. Просто было злоупотребленіе довѣріемъ, — брали деньги, и деньги не малыя, и давали прямо званіе доктора медицины. Заплатилъ деньги — и дадутъ; не заплатилъ — и не думай, да и права не имѣешь разчитывать. Называлось все это *privatissimum*: собираютъ по красной бумажѣ съ человека, — читаютъ 10 дней по часу, а черезъ 10 дней еще по красной пожалуйте другому, а то и тому же самому по другой наукѣ. Переплатите сотни полторы-двѣ ехтга, а тамъ, на слѣдующій семестръ, опять, — и можете выдержать экзаменъ прямо на доктора; а безъ этой контрибуціи и не суйтесь. Говорятъ, раньше обходились скромными сред-

ствами, денегъ не просили, а выучивали не хуже людей. Не выдавши, не повѣришь что въ пустой комнатѣ, съ двумя почти порожними шкафами и двумя столами, помѣщалось два кабинета по двумъ основнымъ отраслямъ знанія, и считалось что одно и то же лицо, носящее громкое названіе директора ученаго учрежденія, читаетъ цѣлую массу наукъ, ничего общаго между собой не имѣющихъ: отойдетъ въ одну половину комнаты — здѣсь одна наука, отойдетъ въ другую — тамъ другая; впрочемъ, это бывало только во время экзамена, а слушать его лекціи надобности не представлялось: достаточно внести плату за слушаніе лекцій и своевременно придти на экзаменъ. Многие науки и совсемъ никогда не читались или, что все равно, читались въ такомъ краткомъ объемѣ что приходится удивляться, какимъ образомъ возможно было сравнять права лицъ съ дипломами Дерптскаго университета съ правами лицъ окончившихъ курсъ въ другихъ университетахъ, напримеръ, въ Московскомъ.

И все это было такъ недавно, и все это было такъ шито и крыто.

Поражаешься обманомъ, который царилъ здѣсь, поражаешься некусною рекламой, удивляешься смѣлости и бойкости нѣмецкихъ газетъ, когда онѣ начинаютъ выхвалять лицъ коихъ лишился или имѣеть лишиться здѣшній университетъ. Здѣсь уже просто одна беззаастѣнчивость и настойчивость, — а въ этомъ вся сила Нѣмцевъ. Посмотримъ, какихъ же силъ лишился университетъ, и припомнимъ какія блестящія мѣста за границей судились имъ газетами.

Еще вопросъ, насколько въ переводѣ проф. Бергмана въ Берлинѣ дѣйствительно играли роль научныя его заслуги; вѣдь это было во времена Бисмарка, а какую пользу изъ этого назначенія извлекли Балты и какъ его прокричали, — это у всѣхъ на виду. Даже портретъ его въ али-

никѣ повѣсили вдвое ббльшихъ раз-
мѣровъ чѣмъ портретъ Пирогова, ко-
торому онъ едвали достоинъ разви-
зывать ремни у ногъ.

А вотъ еще знаменитость, о кото-
рой распинались нѣмецкія газеты,
это—проф. Unvergicht, попавшій въ
простую больницу въ Магдебургѣ. Съ
проф. Thoma та же исторія: чуть не
всѣ университеты его наперерывъ
къ себѣ звали, а поступилъ въ ту же
больницу прозекторомъ. Сейчасъ ух-
одитъ какой-то Штадельманъ, доцентъ:
ужь такой, кажется, ученый и такъ
много общающійся,— а попалъ въ про-
стые ординаторы одной изъ берлин-
скихъ больницъ. Искаль, искаль проф.
Fritsch (въ Бреславлѣ) кому бы про-
дать свою частную лѣчебницу, и на-
шелъ человека съ подходящими, по
количеству, печатными трудами и не-
обходимыми деньгами, и продалъ свое
заведеніе проф. Küstner'у, а самъ уда-
лился на покой въ Воннъ, и т. д.
Таковы наши медицинскія quasi-зна-
менитости. Совсѣмъ было забытъ: есть
еще одинъ ученый: пишетъ и печатаетъ,
печатаетъ и пишетъ всякія
привилегированныя средства со сво-
имъ именемъ отъ Merk'a въ Дарм-
штадтѣ, выпускаетъ, и все страшаетъ
что его въ Берлинъ возьмутъ, а то
къ Merk'у уйдетъ, торговою фирмой
управлять и 20.000 марокъ получать
будетъ. Пишутъ, впрочемъ, всѣ много
и раздуть свою славу умѣютъ. А за-
граничные собратья поддерживаютъ,
вызывая и укрѣпляя пангерманскія
симпатіи.

Пришли Русскіе. Какіхъ только
небылицъ не придумывается о каж-
домъ изъ нихъ. Сколько разъ въ годъ
о каждомъ изъ нихъ распускаютъ
слухи что такой-то уходитъ, почув-
ствовать что недостаточно знаетъ
свое дѣло. Сколько разъ въ годъ пу-
скаютъ слухъ что у такого-то кли-
ника порожняя—никто, дескать, неи-
детъ. Конечно, Эстонецъ по природѣ
настолько тупъ что едвали можетъ
понять, Нѣмецъ ли завѣдуетъ больни-

цей, или Русскій: для него оба они
говорять на языкѣ иностранномъ и
до такой степени для него непонят-
номъ что даже такіе Эстонцы кото-
рые отбыли воинскую повинность ни
слова по-русски не понимаютъ. Со-
вершенно недоумѣваешь и ничѣмъ,
кромѣ полного презрѣнія къ русско-
му языку, не объяснишь этого явле-
нія; даже Татары и Мордва изъ Ка-
занской или Симбирской глуши все-
таки, возвращаясь со службы, гово-
рятъ такъ что понять можно что они
говорятъ, а эти все равно какъ дикіе.

Убѣдясь что ложными слухами дѣлу
не повредишь и Русскихъ не подсе-
чешь, Нѣмцы придумываютъ новыя
комбинаціи. Напримѣръ, открываютъ
съ разрѣшенія губернатора Mellin-
sche Stiftung, то-есть такое учрежденіе,
гдѣ, въ домѣ пожертвованномъ какою-
то баронессой Меллинъ на благотвори-
тельныя дѣла, учреждается школа для
сестеръ милосердія, или сидѣлокъ:
ученицы, впрочемъ, набираются изъ
лучшихъ семействъ. Называться онѣ
будутъ диакониссами и назначаются
для помощи бѣднымъ и болѣющимъ
Эстонцамъ. Повидимому, дѣло прекрас-
ное, и во главѣ стоитъ, какъ его
здѣсь называютъ, „папа Балтовъ“, Але-
ксандръ фонъ-Эттингенъ, бывшій
профессоръ. Преподаваніе, конечно,
будетъ на нѣмецкомъ языкѣ, и боль-
ныхъ будутъ класть даромъ, въ томъ
разчетѣ что всякому больному лест-
но лежать, когда его не беспокоятъ
студенты, для обученія коихъ его мо-
гутъ положить въ клинику, а если
есть куда идти, то зачѣмъ же онъ
пойдетъ въ клинику, въ ту убогую
обстановку которую она можетъ ему
дать? Это прекрасное благотворитель-
ное заведеніе должно удовлетворить
двумъ цѣлямъ: съ одной стороны, ли-
шить клиники и русское преподаваніе
матеріала, а съ другой,— устроить нѣ-
мецкое преподаваніе путемъ побоч-
нымъ, потому что прямымъ, черезъ
Министерство Народнаго Просвѣще-
нія, нѣмецкаго преподаванія не раз-

рѣшать.

Но довольно о медицинѣ. Правда, это здѣсь факультетъ самый многочисленный (по числу студентовъ и у всѣхъ на виду; но какое дѣло Русскому народу, достаточно, или недостаточно материала для обученія всѣхъ этихъ Евреевъ которые набрались сюда въ надеждѣ пожить остатками прежнихъ привилегій?

Говорятъ, и на юридическомъ факультетѣ прежде были все знаменитости, а теперь набрали изъ молодежи преподавателей, а студентовъ нѣтъ: никто слушать не хочетъ. Фактъ, дѣйствительно, странный на первый взглядъ. Но объясненіе его простое. На юридическомъ факультетѣ всѣ читаютъ по-русски, и, дѣйствительно, число студентовъ уменьшилось значительно; но ставить эти два явленія въ связь причинную нѣтъ никакого основанія. Читаютъ русскіе профессоры нисколько не хуже нѣмецкихъ, и читаютъ больше и подробнѣе. Есть и имена, — одни общающія, другія заявившія себя хорошими работами, блестящими диссертациями, многолѣтнимъ преподаваніемъ въ другихъ университетахъ, напримѣръ Московскомъ. Отчего же студенты не идутъ? Да кому идти-то? Русскаго развѣ не пошлѣ сюда занести. Да и дорого здѣсь и жить, и учиться. А Нѣмцу зачѣмъ сюда идти? Пока они, кончая здѣсь курсъ, занимали всѣ судебныя мѣста въ краѣ, тогда былъ расчетъ идти. На тѣхъ же основаніяхъ какъ доктора медицины, они получали помощью разныхъ *privatissima*, или, говоря по-просту, помощью денегъ, разныя привилегіи — и былъ расчетъ. А по теперешнимъ временамъ, вследствие распоряженія по Министерству Юстиціи, Нѣмцевъ здѣшнихъ на здѣшнія судебныя должности не берутъ, и языкъ нѣмецкій считаютъ иностраннымъ, а еслибы какому барону пришла фантазія русскому языку учиться, то ему, конечно, удобнѣе вѣхать въ Москву, или въ Питеръ, — всего, вѣдь,

одна ночь ѣзды. Да, по Министерству Юстиціи насчетъ нѣмецкаго языка строго.

Бездеремонность здѣшнихъ нѣмецкихъ газетъ изумительна. Несмотря даже на законодательное воспрещеніе вывѣшивать на улицахъ объявленія о правительственныхъ распоряженіяхъ на какихъ-либо языкахъ, кромѣ государственнаго и мѣстныхъ, напримѣръ, Эстонскаго (нѣмецкій языкъ въ этомъ распоряженіи не упоминается, какъ иностранный), всѣ телеграммы о здоровьи въ Божѣ почившаго Государя печатались на нѣмецкомъ языкѣ и въ такомъ видѣ вывѣшивались на улицахъ. Мало того, только по распоряженію полицмейстера и за его подписью, и то уже послѣ нѣмецкой телеграммы и рядомъ съ ней, одинъ разъ было вывѣшено извѣщеніе на русскомъ языкѣ о томъ тяжкомъ горѣ которое постигло наше отечество, — о кончинѣ въ Божѣ почившаго Государя. Мало того, Высочайшій Манифестъ о вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора появился только въ нѣмецкомъ переводѣ, и русскаго текста мы ожидали болѣе двухъ сутокъ. Грустно Русскому человѣку въ своемъ отечествѣ читать слова своего Государя на языкѣ иностранномъ...

Удивляешься, право, нашимъ журналамъ, которые, въ родѣ *Вѣстника Европы*, берутъ на себя смѣлость заводить разговоры на интернаціональной почвѣ о національныхъ реформахъ въ здѣшнемъ краѣ. Не имъ оцѣнить значеніе этихъ реформъ, если у нихъ нѣтъ національнаго чувства. Какъ будто отечеству есть какой-либо смыслъ поддерживать иноземную, чуждую намъ цивилизацію, развившуюся здѣсь путемъ паразитическимъ на сокахъ Великорусскаго народа, кровью своего обогрившаго эту непривѣтливую страну, — цивилизацію, путемъ всякихъ привилегій и искусно построенныхъ

интригъ сумѣвшую поставить эту окраину въ условія обособленныя, — цивилизацію, создавшую образованіе не имѣющее ничего общаго съ историческими задачами Россіи и только путемъ привилегій и злоупотребленій и державшуюся.

Пора, и давно была пора искоренить это исключительное положеніе и уравнять учрежденія этой окраины съ учрежденіями всей земли Русской.

И когда это будетъ вполне достигнуто, тогда не будетъ возникать и вопроса о количествѣ поступающихъ, или прежде поступавшихъ студентовъ на тотъ или другой факультетъ. Тогда, если вообще имъ есть надобность сюда ѣхать, придутъ русскіе студенты, и не будетъ мѣста Евреямъ, наводняющимъ эту окраину, въ надеждѣ поживиться остатками ея привилегій на русскія средства.

Миср. Вѣдом. № 318. 1911/12. N.